

УДК 947.084.6:316.35(470)

Самсоненко Т.А.

*Сочинский государственный университет туризма
и курортного дела*

СОЦИАЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ЮЖНО-РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ КАК ФАКТОР «КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА»

T. Samsonenko

State University for Tourism and Recreation, Sochi

SOCIAL INSTITUTIONS OF THE SOUTH RUSSIAN VILLAGE AS A FACTOR OF "COLLECTIVE FARMING"

Аннотация. В статье рассматривается деятельность власти в 1920-1930-х гг. по созданию системы социальной помощи и взаимопомощи колхозного крестьянства, исследуются основные направления и методы функционирования сельских учреждений социальной помощи Юга России. Автор анализирует основной структурный компонент социальной системы – кассы общественной взаимопомощи колхозников (КОВК) и констатирует, что сельские учреждения социальной помощи в коллективизированной деревне Советского Союза в процессе реализации поставленных перед ними социальных задач способствовали организационно-хозяйственному укреплению колхозной системы.

Ключевые слова: коллективизация, стахановцы, социальная помощь, кассы общественной взаимопомощи, система обслуживания детей, колхозницы, сельские учреждения социальной помощи, сталинский режим, сельский «активист».

Abstract. The article reviews the activity of the Soviet government in 1920s and 1930s aiming at creating the system of collective peasantry's social and mutual assistance. The author examines the main directions and methods of functioning of rural institutions of social assistance in the South of Russia. Proceeding from the analysis of the core component of the social system structure – farmers' mutual assistance fund, a conclusion has been made that rural institutions of social assistance in collectivized village contributed to organizational and economic strengthening of the Soviet collective farm system.

Key words: collectivization Stakhanovites, social assistance, mutual assistance funds, child care system, collective farmers, rural institutions of social assistance, the Stalinist regime, rural "activist".

Сплошная форсированная коллективизация конца 1920-х – 1930-х гг. сопровождалась созданием и налаживанием функционирования системы социальной помощи и взаимопомощи колхозного крестьянства. Основными структурными компонентами данной системы выступали кассы общественной взаимопомощи колхозников (КОВК) и сами коллективные хозяйства; последние обязывались выделять некоторое количество средств в целях обеспечения своих членов, попавших в нужду.

Первоочередными клиентами касс являлись передовики колхозного производства, а во второй половине 1930-х гг., – еще и стахановцы. Результатом деятельности КОВК в данном случае должно было стать укрепление трудовой дисциплины в коллективных хозяйствах и привлечение максимально возможного количества аграриев к работе на колхозных полях и фермах. Помимо содействия укреплению трудовой дисциплины в коллективных хозяйствах путем оказания социальной помощи лишь трудолюбивым и добросовестным колхозникам, КОВК применяли и другие опосредованные методы поддержки «колхозного строительства».

Рассмотрим два направления деятельности КОВК по такому «непрямому» укреплению колхозов Дона, Кубани и Ставрополья.

Первым из этих двух направлений выступает участие касс взаимопомощи в ликвидации бескоровности личных подсобных хозяйств колхозников. Как известно, форсирование темпов коллективизации привело к массовому забою скота его владельцами, не желавшими отдавать свою домашнюю живность в колхозные стойла. Поскольку поголовье скота резко сократилось, представители власти прилагали все усилия к его восстановлению, причем не только в колхозах, но и в личных подсобных хозяйствах (далее – ЛПХ). Согласно принятому в августе 1933 г. постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О помощи бескоровным колхозникам в обзаведении коровами» предполагалось приобрести не менее 1 млн. телок в возрасте до 8 месяцев у колхозов, колхозников и единоличников, продав их затем бескоровным членам коллективных хозяйств (предусматривалась выдача последним кредита для покупки телок в размере до 50 % их стоимости и с рассрочкой его погашения в срок до 1 года) [13, 788].

Как правило, участие КОВК в обзаведении личных хозяйств колхозников скотопоголовьем выражалось в том, что кассы выделяли своим членам беспроцентный кредит для приобретения скота (так называемые возвратные ссуды). К маю 1935 г. в Северо-Кавказском крае на средства КОВК было приобретено 334 головы крупного рогатого скота для хозяйств колхозников [2, 9]. Во второй половине 1930-х гг. кассы взаимопомощи продолжали кредитовать членов коллективных хозяйств в целях приобретения ими скота в личное пользование, хотя в данное время общие суммы возвратных ссуд были уже гораздо меньше, да и тратились они не всегда для преодоления бескоровности. Так, в 1938 г. в Воронцово-Александровском районе Орджоникидзевского края 14 колхозников из сельхозартели им. Молотова получили от КОВК возвратные ссуды на общую сумму 1 840 руб., а в колхозе «Большевик» таких

колхозников насчитывалось 35¹.

Другим важным направлением деятельности сельских учреждений социальной помощи Юга России по укреплению колхозной системы путем решения социально важных задач являлось создание и поддержание функционирования детских дошкольных заведений, – площадок, яслей, садов. Подобные заведения позволяли заметно улучшить уход за детьми (но, конечно, лишь в случае налаживания их оптимальной деятельности). Вместе с тем детские дошкольные заведения на селе являлись одним из важных средств оптимизации производственного процесса в коллективных хозяйствах и, в конечном счете, – организационно-хозяйственного укрепления колхозов.

Обремененные детьми колхозницы, по понятным причинам, не могли в полной мере трудиться на колхозных полях, огородах и фермах. С точки зрения партийно-советских руководителей, такое положение являлось недопустимым, ибо женщины играли важную роль в коллективизированном аграрном секторе, а в отдельных сферах занятости (огородничество, птицеводство) они и вовсе доминировали. Для того, чтобы максимально полно использовать труд женщин в общественном производстве, и нужны были детские дошкольные заведения, освобождавшие матерей от ухода за детьми на время работы в колхозе. О позитивном влиянии таких заведений на производственный процесс в коллективных хозяйствах свидетельствовало, в частности, специальное обследование, проведенное в ряде колхозов Северо-Кавказского края сотрудниками Колхозцентра в январе – феврале 1931 г. По результатам обследования оказалось, что в колхозах с детскими дошкольными заведениями использовалось 22,8 % годовых трудозатрат колхозниц, а в тех хозяйствах, где подобные заведения не существовали или не работали, – только 17,6 % [4, 205].

Хотя единичные детские дошкольные заведения появились в деревне Юга России

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 11. Д. 40. Л. 167.

еще в 1920-х гг., толчком к их массированному формированию стала лишь сплошная форсированная коллективизация. Уже на ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК ВКП(б) указывалось на необходимость улучшения «социально-бытового обслуживания колхозного населения, в особенности женщин (устройство яслей, общественное питание и т.п.)»¹. Правда, создание системы обслуживания детей дошкольного возраста в коллективизированной деревне продвигалось замедленными темпами вследствие отрицательного отношения к ней части сельских жителей, халатности властей и перманентного дефицита ресурсов. По этому поводу Кубанская окружная Рабоче-крестьянская инспекция (РКИ) отмечала в 1930 г., что «не уделено внимания вопросу организации детских и дет-площадок»². В мае того же года сотрудники Северо-Кавказской РКИ констатировали: «культурно-бытовое обслуживание колхозников, совершенно неудовлетворительно, от бумажных планов к делу не перешли»³.

Тем не менее детские дошкольные заведения были созданы в коллективизированной деревне СССР третьего десятилетия XX в. в гораздо больших количествах, чем в период нэпа. Данная тенденция была характерна для всего Советского Союза, и материалы Юга России выступают частным ее подтверждением. Уже в 1929 г. в колхозах Ставропольского округа Северо-Кавказского края численность детских яслей выросла с 9 до 30⁴. В Армавирском округе Северо-Кавказского края в 1928 – 1929 гг. имелось 95 детских площадок на 4,4 тыс. детей, а в 1930 г. здесь было создано уже 600 площадок на 19 тыс. мест⁵. В целом, в первой половине 1930 г. из 3269 коллективных хозяйств, существовавших в

десяти русских округах Северо-Кавказского края (Армавирском, Донском, Донецком, Кубанском, Майкопском, Сальском, Ставропольском, Терском, Черноморском, Шахтинско-Донецком), 1058 (то есть 32,3 %) имели детские дошкольные заведения; в том числе 742 колхоза располагали детскими яслями, а 316 – площадками⁶.

В 1939 г. в коллективных хозяйствах Ростовской области насчитывались 260 постоянных яслей (6651 место) и 3243 – сезонных (78 461 место), то есть создаваемых лишь на время напряженных сельхозработ [8, 425]. Тогда же в Краснодарском крае в постоянных колхозных яслях насчитывалось 10,7 тыс. мест (с учетом постоянных совхозных ясель – 13,6 тыс. мест), в сезонных колхозных яслях – 78 тыс. мест⁷. Отчеты отдельных коллективных хозяйств Орджоникидзевского края также свидетельствовали об увеличении численности детских дошкольных заведений (сопровождавшемся возрастанием удельного веса высших форм таких заведений, каковыми являлись детские сады и постоянные детские ясли). Впрочем, значение количественных показателей подчас сводилось чуть ли не к нулю неудовлетворительным качеством ухода за детьми, характерным для многих садов, яслей и площадок.

Поскольку детучреждения являлись одним из средств содействия оптимизации колхозного производства, КОВК на первых порах привлекались к их созданию и налаживанию деятельности. Нормативно-правовые документы, основополагающие для сельских учреждений социальной помощи, ставили перед КОВК и такую задачу. Так, в постановлении Президиума ЦИК СССР «О кассах общественной взаимопомощи колхозов» от 1 февраля 1932 г. среди задач касс указывалось содействие организации детсадов и яслей [12, 211]. Обязанность КОВК «всемерно содействовать новым формам общественной жизни в колхозах путем организации детских учреждений [–] ясель, садов, площадок для детей» подчер-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 2. Без нумерации.

² Государственный архив Краснодарского края (ГА КК). Ф. р-226. Оп. 1. Д. 652. Л. 21.

³ Государственный архив Ростовской области (ГА РО). Ф. р-1185. Оп. 3. Д. 88. Л. 9.

⁴ Государственный архив Ставропольского края (ГА СК). Ф. р-299. Оп. 1. Д. 1257. Л. 9.

⁵ ГА РО. Ф. р-1185. Оп. 3. Д. 4. Л. 28 об.

⁶ ГА РО. Ф. р-98. Оп. 2. Д. 79. Л. 3, 6, 9, 12, 15, 18, 21, 27, 30, 33.

⁷ ГА КК. Ф. р-687. Оп. 1. Д. 3. Л. 22.

квивалась на Северо-Кавказском совещании работников КОВК и собесов в июне 1933 г.¹ В 1935 г. пресса вновь напоминала работникам КОВК, что они обязаны «заняться вопросом об организации детучреждений» [7, 19].

Конкретно участие касс общественной взаимопомощи колхозников в формировании детских дошкольных заведений в колхозах выражалось, как правило, в финансировании данных заведений. Кассы, наряду с колхозами, выделяли средства для ремонта садов, яслей и площадок, приобретали для них инвентарь, игрушки и прочее. Кроме того, КОВК оплачивали профессиональную подготовку персонала детучреждений. Так, к маю 1935 г. в Северо-Кавказском крае было подготовлено на средства касс взаимопомощи 325 руководителей и воспитателей для колхозных детских заведений; только Надеждинская КОВК Ставропольского района подготовила 4 колхозницы для работы в детских площадках [2, 9; 6, 22].

Следует, однако, подчеркнуть, что основную роль в организации детских дошкольных заведений, налаживании и поддержании их функционирования играли все же не КОВК, а сами колхозы. Данное обстоятельство было четко прописано в базовых актах колхозного права. О том же свидетельствуют и источники, так как в них, чаще всего, повествуется о деятельности коллективных хозяйств, а не КОВК, по организации детских садов, яслей или площадок. Например, накануне весенней посевной кампании 1937 г. Вешенский райком ВКП(б) обязывал правления колхозов и дирекцию МТС приступить к созданию детских площадок и яслей, умалчивая при этом о КОВК².

Итак, на протяжении третьего десятилетия XX в. сельские учреждения социальной помощи в коллективизированной деревне Советского Союза, в том числе на Дону, Кубани и Ставрополье, даже в процессе реализации поставленных перед ними специальных задач опосредованно способствовали орга-

низационно-хозяйственному укреплению колхозной системы. Коллективизаторам, однако, было недостаточно опосредованного участия КОВК в деле создания и всемерного укрепления коллективных хозяйств, поэтому, презрев «Примерный устав КОВК» и другие нормативные акты, представители власти принуждали работников КОВК к реализации социально-экономических и социально-политических задач, никак не связанных со сферой социального обеспечения. Среди этих задач были такие, как борьба «за выполнение производственных планов колхоза» [10, 19], реализация хлебозаготовок (и, соответственно, борьба с «саботажниками» сдачи хлеба государству, с особенной жесткостью развернутая властями в Северо-Кавказском крае в 1932 г.), организация хлебных «красных обозов», осуществление подписки максимально возможного количества сельских жителей на государственный заем (являвшийся, по существу, завуалированным налогом), поиск и разоблачение разного рода замаскировавшихся и «пролезших» в колхозы «кулаков», «подкулачников», «вредителей», и многое другое. Будучи обременены подобного рода заданиями, работники КОВК не имели возможности на должном уровне выполнять свои профессиональные обязанности по оказанию помощи и поддержки впадшим в нужду членам коллективных хозяйств; но данное обстоятельство меньше всего беспокоило представителей властных структур.

В полной мере учитывая позицию органов власти, делегаты проходившего в марте 1932 г. первого Всероссийского совещания работников КОВК приняли решение направить работу касс на содействие правлениям колхозов «в практическом разрешении важнейших хозяйственно-политических вопросов», каковыми признавались хлебозаготовки, укрепление производственных бригад, организация и активизация социалистического соревнования, участие в подготовке к весенней посевной, содействие сбору сельскохозяйственного налога и самообложения в фонд сельсоветов, участие в кампаниях по подписке на государственные займы, органи-

¹ ГА РО. Ф. р-1390. Оп. 7. Д. 442. Л. 83.

² Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 36. Оп. 1. Д. 83. Л. 148.

зации «красных обозов» и ударных бригад по хлебозаготовкам и т. д. Все это осуществлялось под флагом «классовой бдительности» и непримиримости к противникам «социалистического строительства» [1, 445-447].

В июле следующего, 1933 г., участники Северо-Кавказского краевого совещания сотрудников КОВК и райсобесов делились друг с другом мнениями о том, насколько успешно была «проведена работа по всем мероприятиям, направленным на организационно-хозяйственное укрепление колхозов». Соцработники были весьма самокритичны и пришли к выводу о том, что работа в данном направлении являлась «недостаточной». Горечь этой пилюли, однако, подсластили достижения некоторых КОВК. В принятой на совещании резолюции указывалось, что «ряд касс взаимопомощи Северо-Кавказского края в работе по сбору семян и проведения посева социалистических полей и в боях с организованным кулацким саботажем показали, что они также являются одним[и] из лучших проводников решений партии и правительства в деревне в деле сплочения колхозных масс против врагов колхозного строя за хозяйственное и политическое укрепление колхозов»¹.

Заслуги «лучших проводников», как явствует из процитированного выше высказывания, заключались отнюдь не в улучшении положения впадших в нужду колхозников Юга России, а в реализации разного рода хозяйственно-политических кампаний и, в особенности, – весеннего сева. В частности, КОВК выделяли средства на улучшение производственного быта занятых на севе колхозников и на их медицинское обслуживание. Например, весной 1931 г. Прикумская КОВК «выписала на 96 рублей газет и журналов для избы-читальни и для колхозных бригад» [9,12], работавших в поле. Кассы общественной взаимопомощи колхозников Сальского района в преддверии весеннего сева 1933 г. организовали несколько фельдшерских пунктов и, кроме того, оплачивали деятельность разъездного фельдшера, «который систематически объезжает [полевые станы] и ока-

¹ ГА РО. Ф. р-1390. Оп. 7. Д. 442. Л. 80.

зывает медицинскую помощь бригадам 3-х колхозов»². В 1934 г. Ейская межрайонная КОВК Азово-Черноморского края содержала стационарный медпункт и оплачивала деятельность парикмахера, обслуживавшего колхозников непосредственно в таборах, без отрыва от производства [5, 14]. В октябре 1935 г. НКСО РСФСР рекомендовал КОВК расходовать часть их средств «на приобретение аптечек первой помощи для колхозных бригад» [11, 170].

Собственно, подобные мероприятия касс общественной взаимопомощи колхозников нельзя оценить иначе, как положительно, хотя они и не относились в полной мере к социальной помощи. Однако далеко не всегда деятельность работников КОВК в рамках реализации хозяйственно-политических кампаний отличалась столь выраженным позитивным характером.

В условиях первой трети 1930-х гг. подготовка к такому, казалось бы, мирному занятию, как сев, зачастую походила на войну властей против собственного народа. Поскольку после опустошительных хлебозаготовок 1932 г. у колхозов не осталось семенных запасов, органы власти распорядились изымать зерно у колхозников в целях формирования фондов для проведения сева (в терминологии коллективизаторов это называлось «внутриколхозный семенной заем»). Цинизм такого решения заключался, во-первых, в том, что этот хлеб члены коллективных хозяйств Дона, Кубани и Ставрополья получили на честно выработанные трудодни; во-вторых, мизерных продовольственных запасов колхозников никак не могло хватить для формирования сколь-нибудь значительных семенных фондов.

Колхозники, разумеется, пытались прятать заработанное зерно от представителей власти и разномастных сельских «активистов» в различных тайниках (ямах, подвалах, колодцах и пр.). Тогда на поиски зерна отправлялись специальные бригады, состоявшие из представителей колхозной администрации, сельских коммунистов, комсомольцев,

² ГА РО. Ф. р-1390. Оп. 7. Д. 442. Л. 80.

«активистов» и т. д. В формированиях и деятельности таких бригад приняли участие и работники касс взаимопомощи. Только в Невинномысском районе Северо-Кавказского края зимой 1932–1933 гг. при участии работников и актива касс общественной взаимопомощи было организовано 150 бригад общей численностью 750 человек, которые обнаружили 1767 ям с зерном¹. Тем самым южнороссийские КОВК не помогали колхозникам, а разоряли их в угоду сталинскому режиму и иллюзорным большевистским лозунгам о скором наступлении «коммунистического рая».

Во второй половине 1930-х гг. перед работниками касс взаимопомощи по-прежнему стояла сверхзадача, заключающаяся в том, чтобы содействовать укреплению колхозной системы. Но, поскольку в это время азарт коллективизаторов угас по причине вовлечения подавляющего большинства крестьян в колхозы, КОВК должны были сосредоточить усилия лишь на опосредованной помощи сельхозартелям, используя социальную поддержку в качестве стимулятора производственной активности крестьян. Непосредственное же привлечение работников КОВК к реализации различных хозяйственно-политических кампаний уже не приветствовалось партийно-советским руководством. Поэтому в 1937 г. руководящие работники системы КОВК назидательно указывали председателям и членам правлений касс взаимопомощи на нетерпимость сохраняющейся еще практики, заключающейся в передаче кассами «своих средств колхозам на различные производственные нужды последних. ... И это в то время, когда кассы не могут провести самых необходимых мероприятий по оказанию помощи детям. Руководители касс взаимопомощи не учитывают того обстоятельства, что такое распоряжение средствами ведет к подрыву авторитета касс среди широких слоев колхозников, делает бессмысленной уплату членских взносов» [3, 58]. Еще более жесткая критика звучала из уст руководящих лиц во второй половине 1930-х гг. в адрес тех пред-

ставителей колхозной администрации, которые, как и раньше, пытались привлекать средства последних к решению производственных задач или не передавали им часть натуральных и денежных фондов колхоза. Подобное поведение колхозных управленцев считалось неправильным, ибо препятствовало КОВК помогать нуждавшимся колхозникам.

Итак, на всем протяжении 1930-х гг. КОВК обязаны были преследовать выполнение важнейшей задачи, которая заключалась не столько в улучшении положения впавших в нужду селян, сколько в укреплении колхозов. В первой половине указанного десятилетия КОВК непосредственно привлекались к оптимизации организационно-хозяйственного состояния колхозов, что препятствовало им выполнять свои функции по поддержке нуждавшихся аграриев. Только по завершении сплошной коллективизации сельские учреждения социальной помощи были освобождены от непосредственной поддержки коллективных хозяйств и смогли сосредоточить усилия на реализации своих специальных задач по поддержке нуждавшихся жителей коллективизированной деревни, в том числе сел и станций Дона, Кубани и Ставрополья.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Григорьев В.С. Организация общественной взаимопомощи российского крестьянства (1921-1941 гг.). Дис. ... докт. ист. наук. М., 1997. 586 с.
2. Итоги 3-го Всероссийского конкурса // Социальное обеспечение. 1935. № 5. С. 10-22.
3. Киселев. Кассы взаимопомощи колхозов в 1937 году // Социальное обеспечение. 1937. № 4. С. 52-65.
4. Лукашенко Э.В. Роль женского труда в колхозном производстве // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 11-12. С. 200-215.
5. Лысиков Е.А. Очередные задачи касс взаимопомощи в колхозах на 1935 г. // Социальное обеспечение. 1935. № 1. С. 10-24.
6. Маханько, Болотская. На Ставропольщине // Социальное обеспечение. 1935. № 6. С. 19-27.
7. Мусатова Т. Весенний сев 1935 г. и колхозные кассы взаимопомощи // Социальное обеспечение. 1935. № 2-3. С. 10-28.
8. Народное хозяйство Ростовской области за 20

¹ ГА РО. Ф. р-1390. Оп. 7. Д. 442. Л. 80.

- лет. Ростов н/Д., 1940. 436 с.
9. Николаев П. Помощь престарелым и больным колхозникам // Социальное обеспечение. 1941. № 2. С. 10-27.
10. Подольский Ал. Укрепить руководство сельсоветов кассами взаимопомощи колхозников // Социальное обеспечение. 1931. № 11. С. 10-23.
11. Постановление Наркомсобеса РСФСР «О директивах для построения планов работы касс взаимопомощи в колхозах на 1936 год» от 14 октября 1935 г. // Сокращенное собрание законов Союза ССР и РСФСР для сельских советов. 1936. Вып. 6. 208 с.
12. Постановление Президиума ЦИК СССР «О кассах общественной взаимопомощи колхозов» от 1 февраля 1932 г. // История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917-1958 гг. В 2-х т. Т. 1. 1917-1936. М., 1959. 518 с.
13. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О помощи бескорванным колхозникам в обзаведении коровами» от 14 августа 1933 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в 5-ти томах. 1927-1939. Т. 3. Конец 1930-1933 / Отв. ред. И.Е. Зеленин. М., 2001. 1007 с.